

Волк, которого мы кормим

Игорь Чичинов

Игорь Владимирович Чичинов

Волк, которого мы кормим

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70185376

SelfPub; 2023

Аннотация

Чего в любом из нас больше – доброго или злого, любви или ненависти, готовности пожертвовать собой ради близкого человека или желания выжить в сложной ситуации любой ценой, встав на плечи другому и утопив его? Старый индеец открыл своему маленькому внуку одну жизненную истину. В каждом человеке, сказал старик, идет борьба, очень похожая на борьбу двух волков. Один из них представляет зло – зависть, ревность, сожаление, эгоизм, амбиции, ложь... Другой волк – это добро: мир, любовь, надежда, истина, доброта, верность. Внук спросил деда: «А какой волк в конце побеждает?» Старый индеец улыбнулся и ответил: «Всегда побеждает тот волк, которого ты кормишь». Какого волка ты кормишь, человек?..

Игорь Чичинов

Волк, которого мы кормим

Пьеса в шести действиях-миниатюрах

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Действующие лица:

Белый – олицетворение добра.

Чёрный – олицетворение зла.

Эти два действующих лица появляются на сцене на протяжении всей пьесы, остальные – в отдельных миниатюрах.

Сцена пуста. Задник сцены представляет собой большой, во всю площадь сценического пространства, экран. В полной темноте и тишине на нём появляется изображение ядерного взрыва (документальная съёмка). С ростом ядерного «гриба» увеличивается звук взрыва – сначала это отдалённый рокот, потом – оглушающий грохот. Звук затихает. На экране Хиросима, последствия взрыва.

Из-за кулис, с двух разных сторон, на сцену выходят Белый и Чёрный. Первый во всём белом, второй – в чёрном. На Белом сорочка навыпуск, с отложным воротником, брюки, лёгкие туфли. Чёрный одет в рубашку с воротником-стойкой и погончиками, она заправлена в джинсы с широким ремнём, на ногах сапоги-казаки с цепочкой; у него чёрные аккуратные усики и икиперская бородка. Некоторое время они,

*стоя в разных концах сцены, смотрят на ядерный «гриб»:
Чёрный – руки в карманах, Белый – скрестив руки на груди.*

Чёрный(подходит к Белому). Ну, как тебе мой ход? Сильно?

В центре сцены, наверху, высвечиваются большие весы (как у Фемиды), у которых одна чаша белая, другая – чёрная. Чёрная чаша со специфическим звуком опускается, перевешивая белую.

Белый. Да, но ведь после Хиросимы и Нагасаки люди уже много лет не убивают друг друга таким способом. Они научились использовать ядерную реакцию в мирных целях, во благо себе.

Весы медленно выравниваются.

Чёрный. Просто до людей дошло, что это равносильно самоубийству. Сработал инстинкт самосохранения. Пока сработал. Но, погоди, ещё появится там, у них, какой-нибудь политический вождишко, который не удержится и нажмёт-таки на ядерную кнопку. Вот увидишь. Больно уж велико искушение. Однако, обрати внимание: даже если пока исключить ядерный коллапс, воевать-то люди не перестали. И, думаю, никогда не перестанут.

Смотрят на экран. Там появляются узнаваемые документальные кадры: Первая, Вторая мировые войны, война американцев во Вьетнаме, война советских войск в Афганистане, Чечня, Югославия, Ирак, Сирия.

Ты знаешь, сколько лет они жили без войн? За всю историю, начиная с 3500 года до начала их эры и вплоть до XXI века, человечество просуществовало без военных конфликтов, только 292 года. А за пятьдесят лет после окончания Второй мировой войны у них было – не поверишь – всего двадцать шесть мирных дней. Целых человеческих полвека – и три с небольшим недели мирного существования! Каково?

Белый. Был у них такой философ, Платон. Он утверждал, что «война – это естественное состояние народов».

Черный. Вот-вот! А это значит, что сильнее всего в их мире Смерть. И зло всегда берёт верх над добром. Смотри!

На экране кадры: дети с вздувшимися от голода животами, взрослые, копающиеся на помойках в поисках еды, умершие и лежащие прямо на дороге нищие.

На Земле недоедают больше 820 миллионов человек. И каждый год голодающих прибавляется по 15-17 миллионов. От истощения страдают больше 50 миллионов человеческих детей до пяти лет.

И при этом, знаешь, во сколько человеку обходится, к примеру, создание только одного тяжелого стратегического бомбардировщика B-2 Spirit? В миллиард с лишним долларов! А сколько всего вооружения производится ежегодно на Земле...

На экране: военные корабли, военные учения, стрельба пушек, выброска десанта, запуск ракеты.

Знаешь, Белый, по сути, человечество – это сообщество живых тварей, в программу которых одновременно заложены две взаимоисключающие задачи: воспроизводиться и уничтожать себе подобных.

Белый. А, по-моему, здесь нет никакого противоречия. Люди уничтожают себе подобных для того, чтобы устранить препятствия к собственному воспроизводству.

Чёрный (*нервно ходит по сцене*). Боюсь, ты путаешь людей с животными. Это звери убивают других зверей, чтобы дать жизнь своему потомству. Люди же далеко не всегда используют убийство именно в этих целях.

Белый. Да, но не забывай: по условиям Большого Эксперимента, им нельзя не убивать. Равно, как нельзя не красть, не обманывать, не прелюбодействовать. В общем, нельзя жить безгрешно – конечно, в их, человеческом, понимании греха. Потому что, если убрать из условия Эксперимента «минус», не останется никакого смысла в «плюсе» – он попросту станет невидимым. Стоит только добру стать нормой, оно перестанет быть добром. Их, людской, благодетели постоянно нужен контраст, пример с противоположным знаком, чтобы она оставалась таковою.

Чёрный. Значит, без меня никак, я им нужен!

Белый. Да. И ты тоже.

Чёрный. Ладно, идём, пора продолжить партию.

Оба идут в угол сцены, ближе к зрителям. Здесь стоит журнальный столик и два кресла – белое и чёрное. Каждый

усаживается в своё – соответственно цвету. На столике шахматы. Они необычны: досок с фигурами много, они, при-
мыкая друг к другу, образуют большой, плавно вращающийся в воздухе шар. Черный и Белый поочередно делают ходы на разных досках. Это напоминает сеанс одновременной игры, только играют лишь двое, а досок – множество.

В левом верхнем углу сцены большие круглые часы. Вместо цифр – одиннадцать светящихся вопросительных знаков и один восклицательный. Когда стрелка передвигается к очередному знаку (это передвижение происходит через каждую секунду), он из вопросительного превращается в восклицательный, как только стрелка двигается дальше, вопросительный знак восстанавливается. Каждое перемещение стрелок сопровождается громким отчетливым звуком, похожим на звук метронома. Часы, как и звук метронома, будут появляться время от времени, подсвечиваясь прожектором. Когда в них нет надобности, они исчезают в темноте.

Ваш ход, коллега.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Действующие лица:

Олег, 35 лет, обычный житель глубинки России.

Светлана, его жена, 28 лет.

Мать – старушка 70 лет, мать Олега.

Простая, скромно обставленная городская квартира.

Кухня, за столом сидит Олег, он в домашнем халате, читает газету. Светлана накрывает на стол. Она на седьмом месяце беременности.

Олег. А мать-то где?

Светлана. В магазин пошла, за хлебом.

Олег (*недовольно*). Меня не могла попросить? Гоняешь старуху...

Светлана. Ничего, двигаться полезно. Что ж ей, так и сидеть в четырёх стенах? Да она и сама не против помогать по хозяйству.

После паузы, гремя ложками.

Олег, давай всё-таки вернёмся к тому вопросу. Рожать ведь мне скоро.

Олег. Ну да... (*откладывает газету*). Это понятно. Свет, поверь: всю голову уже сломал, но не знаю, что тут можно сделать. Какие варианты? Ну, будь я миллионером, купил бы ей где-нибудь поближе «однушку», и жили бы себе по соседству, я б её проведывал. А так...

С левой стороны сцены тихо открывается входная дверь, входит Мать. В стареньком плаще, в руках пакет с продуктами. Снимает плащ, вешает в шкаф, стоит в прихожей, прислушивается к разговору. Олег со Светланой не видят её.

Светлана. Да, ты правильно поступил, что её сюда перевёз из деревни, когда твой отец умер. И что машину после продажи дома купили – удачно получилось. Но сейчас, видишь, как ситуация складывается. Тесно нам будет, Олег. И малы-

шу больше свежего воздуха надо.

Олег. Ты опять про Дом престарелых? Но, Свет, я ж тебе уже объяснял: никто не позволит определить туда пожилого человека при живом сыне. Не положено это по закону.

Светлана. Ты послушай. Я тут недавно встретила Маринку Ардашеву – помнишь её? – у неё похожая ситуация с мамой. Так ей умные люди подсказали, как быть.

Мать тихо сидит в прихожей на стуле, низко склонив голову.

Она перевезла свою мать в съёмную квартиру, а через какое-то время та написала заявление – мол, возьмите меня в стардом, так как дочка не ухаживает за мной и, вообще, даже не появляется у меня. Пришли соцработники, посмотрели – а Маринка специально в той квартире грязь развела, беспорядок – и благополучно забрали старушку. Так теперь Маринка не нарадуется.

Олег. Кошмар какой...

Светлана. Да чудак ты человек! Во-первых, ей там лучше. Там, знаешь, какие прекрасные условия проживания: и кормят хорошо, и всё чистенькое, и уход прекрасный, и, если что, медицинскую помощь прямо на месте оказывают. А, во-вторых... Ты уж прости, Олег, но... мама пожила своё. Теперь нам, молодым, надо жить. Да и веселей ей там будет: кругом такие же старики-старушки, есть с кем поговорить.

Пауза. Олег встаёт, подходит к окну, задумчиво смотрит на улицу.

Олег. Ну, не знаю... Понимаешь, нехорошо всё это как-то. Мерзко!

На кухню входит Мать.

Мать. На-ка, вот, Светочка, прими пакет. Небось, заждались меня с хлебом-то. Уж простите, старую, ноги-то не те уже, не молодые. Ну, давайте обедать.

Садятся за стол. Едят.

Сынок, ты знаешь, кого я сейчас в магазине-то встретила? Марию Степановну – ну, помнишь, тётя Маша, с того конца нашей улицы третий дом у них был. Корова у ней ещё одно-рогая была, Ночка.

Олег. Ну, помню. Бойкая такая старушка.

Мать. Вот-вот, она самая. Так ты, может, не знаешь – мы ж с ней землячки, обе из-под Костромы, с одной деревни. Она недавно побывала там. Ничего, говорит, живут люди, не разъехались ещё по городам.

Пауза.

Да! И привет она мне оттуда привезла. От кого, знаешь? От моей родной тётки – от тёти Гали, это моей мамы младшая сестра.

Олег. О как! А я думал, у нас с тобой не осталось уже родни.

Мать. Да-да, жива тётка-то. А я, чурка такая бесчувственная, даже не писала ей. Хорошая ведь она – помню, за мной, маленькой, ходила. И маме всегда помогала. Только, Степановна говорит, хворающая там, тётя Галя. Тяжко ей одной-то.

Олег(*откладывает ложку*). Это ты, мать, к чему?

Мать. А к тому клоню, сынок, что поехать туда хочу. Грех это – пожилого человека в болезни одного оставлять. Не похристиански это. Да и не чужая ведь она мне.

Олег. Ну, мать, ты даешь: куда тебе в глушь-то ехать? Ведь я саму тебя только из деревни перевёз, а ты опять туда хочешь. Да ещё куда-то под Кострому. Не молодая ты уже по глухомани-то шастать. А?

Мать. А ничего, сынок, ничего, я ещё, слава Богу, в силах пока. На печи лежнем не лежу, двигаюсь помаленьку. Мы вот как сделаем. Ты меня туда отправь – ничего, сама доеду, не заблужусь – я у тёти Гали поживу сколько-то, а потом и вернусь. У ней там домик хоть и невелик, а вдвоём не тесно будет. Пенсий наших нам хватит, это ты не беспокойся, много ли старухам надо. Сынок, ты уразумей: мне бы хоть доходить, за ней, за тёткой-то... А потом, глядишь, и обратно к вам вернусь.

Олег. Ну... даже не знаю.

Мать. И знать нечего. Покупай мне билет на поезд, да и дело с концом. А как внучкámне родите, я приеду посмотреть на него. (*Улыбается*) Обязательно приеду. Очень уж хочется.

Олег. Ладно, мать. Я подумаю.

Чёрная чаша весов начинает опускаться.

Мать. Подумай-подумай, сынок. Только ты правильно думай. (*Подходит к нему, обнимает, целует в щёку*). Вы идите,

я тут сама приберусь.

Олег и Светлана выходят из кухни. Мать крестится на висящую в углу икону.

Прости меня, Христа ради, тётя Галя, что потревожила. Царствие тебе небесное...

Крестится в поклоне. Начинает мыть посуду.

Домишко-то, помню, твой и впрямь маленький. Но хорошо, хоть цел остался. Только доски с окон снять. И вода там в колодце хорошая, чистая. Ничего, мне одной много ли надо... А если чего, добрые люди всегда помогут. Прости меня, Боже правый, грешницу старую. Не для себя ведь стараюсь, не для себя...

Снова крестится на икону в углу.

Звучит Голос (женский):

Легенду мне однажды рассказали

Прекрасную и горькую как быль.

О матери, которую предали,

Которую любви огонь спалил...

Однажды её сын, в пылу признанья,

Взаимности у девушки моля,

Любое клялся выполнить желанье,

Красавицу без памяти любя...

Задумалась девица на мгновенье,

Ты сам сказал, – смотри не пожалей...

Так значит, ты готов к повиновенью?

Неси ж мне сердце матери своей!
При этом слове содрогнулось небо,
И парень отступил, ни жив, ни мертв.
Он будто бы и был, а будто б не был,
Он словно из воды шагнул в костер...
Вошел он в дом, как будто лег в могилу,
А мать встречает ласково его:
Печален ты, случилось что-то, милый?
Чем снять мне тяжесть с сердца твоего?
Сын рухнул наземь – ноги не держали
Всей тяжести, лежащей на плечах.
Причину он поведал ей печали,
И в первый раз увидел мать в слезах.
Она моё отдать просила сердце?
Ну что же, сын, его ты заberi.
Не жалко для тебя мне даже смерти,
Возьми его, любимой подари...
Сказав слова такие, мать вздохнула,
Рукой рванула сердце из груди,
Слабея, дар свой сыну протянула...
Ну что же медлишь ты, сынок? Иди!
От матери, сжимая дар бесценный
В руках дрожащих, двинулся он в путь,
Любовью пьян и горем пораженный,
Не в силах страшный дар назад вернуть...
Нес таинство любви он сокровенно,

Всю щедрость благородную Земли,
Величье нес всех матерей вселенной,
Которые безвременно ушли...
Вот двери открыл он в доме любимой,
Споткнулся, ногой зацепив за порог,
А сердце следило за сыном незримо:
Ты там не сильно ушибся, сынок?

Весы качаются то в одну, то в другую сторону . На сцене снова темно, освещаются только Белый и Чёрный за журнальным столом.

Чёрный(*встаёт, подходит ближе к весам, задумчиво смотрит на них*). Странно весы себя ведут... Ты утверждаешь, что зло примитивно. Но, судя по всему, и добро далеко от совершенства.

Белый. Абсолютно белого цвета в природе не существует. Есть лишь оттенки. Причём их очень много. Знаешь, сколько оттенков белого цвета насчитали земные учёные? Четыре тысячи девяносто шесть!

Чёрный. Так, выходит, и добра в чистом виде не может быть! А, значит, и любви. Я давно утверждал, что любовь – это не что иное, как примитивное стремление двух человеческих особей противоположного пола к совокуплению. То есть налицо всего-навсего инстинкт продолжения рода. Как у всех животных. Остальное выдумали мечтатели-поэты и всякого рода спекулянты, чтобы делать на этом деньги. Вот и вся любовь, как говорится (*смеётся*). Кстати, знаешь, откуда

пошла традиция дарить женщинам цветы?

На экране кадры с влюблёнными – мужчины с цветами, счастливые лица женщин.

Пещерные люди питались в основном съедобными растениями, добыть того же мамонта удавалось далеко не всегда. Так вот, когда у самца появлялось желание совокупиться с какой-нибудь конкретной самкой (сейчас сказали бы: «Она понравилась ему»), он набирал пучок съедобных корней и заманивал свою избранницу в укромный уголок. Если она соглашалась отведать сладких корней, через девять месяцев на свет появлялся еще один маленький пещерный человечек.

Экран: сцена выписки молодой матери из роддома.

Белый. Ох, и циник ты, Чёрный. А как же люди немолодые?

Экран: пожилые мужчина и женщина, по ним видно, что они близки друг другу.

Разве не доводилось видеть тебе эти супружеские пары, отметившие и «серебряную», и «золотую» свадьбу – и ведь всё равно они продолжают любить друг друга.

Чёрный. А вот здесь работает уже другой инстинкт. Когда заканчивается детородный период, сексуальная активность человека естественным образом уменьшается, а потом и вовсе сходит на нет. Инстинкт продолжения рода теперь распространяется на детей и внуков каждого из человеческих индивидов. А супружеские пары в зрелом и, тем более, в

старческом возрасте могут переживать даже укрепление связей, и объясняется это очень просто: в генной памяти людей живы те страхи, что переживали их предки, хоронясь от всякого рода опасностей в пещерах. Тут тебе и саблезубый тигр, и сволочь-сосед, постоянно покушающийся на территорию. Вдвоем-то оно способнее отбиться. Вот тебе и «золотая» свадьба. Разве не так?..

Белый. Ты всё упрощаешь. Человеческий мир – это не чёрно-бело кино. У них там всё сложнее. Кстати, если на то пошло, то ведь и абсолютно чёрного цвета не существует.

Чёрный. Ну, тут ты, брат, явно перегибаешь. Как это – не существует? Чёрное было всегда и всегда будет!

Белый. Понимаешь, цвет как таковой – это световая волна, а, поскольку «абсолютно чёрная» поверхность поглощает ВСЕ световые волны, то чёрного цвета нет. Это просто отсутствие цвета.

Чёрный. Ну, вот, договорился. Значит, и нас с тобой нет, что ли?

Белый. Есть. В виде оттенков. Вот, посмотри, как там у них всё не однозначно.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Действующие лица:

Феликс, банковский клерк, 42-летний мужчина болезненного вида.

Амелия, его жена, 36 лет.

Гарри, их старший сын, 12 лет.

Джейкоб, их младший сын, 6 лет, у него детский церебральный паралич, он в инвалидной коляске.

США, частный дом, уютная комната. Амелия вяжет, сидя на диване. Гарри сидит за компьютером, играет, рядом с ним в коляске Джейкоб. Входит Феликс. Снимает пальто, подходит к детям, взъерошивает волосы старшему сыну, целует в щёку младшего. Садится на диван рядом с женой.

Амелия (откладывает вязание). Ты от врача?

Феликс (утвердительно кивает головой).

Амелия. Результаты обследования готовы?

Феликс. Да, мне выдали их на руки. (После паузы) Гарри, возьми Джейка и идите, погуляйте.

Гарри. Ну, пап...

Феликс. Давай-давай. Наиграешься ещё.

Гарри неохотно выходит из-за компьютера и выкатывает коляску с братом из комнаты. Феликс встаёт, задумчиво ходит по комнате.

Амелия (пристально смотрит на мужа). Феликс, не молчи. Ты пугаешь меня.

Феликс (глухо). Всё хуже, чем мы думали, дорогая. Это не мигрень. Это опухоль головного мозга.

Садится на диван, обнимает жену.

Амелия. Ты сказал это так, словно приговор зачитал. Но, милый, сейчас ведь медицина на таком уровне, что излечиваются практически все болезни. Разве что, кроме рака. У

нас есть деньги на лечение. Опухоль можно удалить. Разве нет?

Феликс. Да, можно. Но дело не в этом. Врач сказал, что после операции – даже если она пройдёт успешно – я... В общем, я стану овощем. Я не смогу не только работать – не буду ни ходить, ни сидеть, ни говорить. Только лежать. Буду есть, пить и... извини, испражняться. В судно. Это может длиться долго, годами...

Амелия. О Боже...

Тихо плачет, прижавшись к мужу.

Скажи (с робкой надеждой), ты веришь врачу? Он не может ошибаться?

Феликс. Верю. Он сказал, что при повреждении этого участка мозга всё происходит именно по такому сценарию. Всегда. Другие варианты исключены. Таковы практика и их многолетние наблюдения.

Пауза. За окном слышны весёлые голоса Гарри и Джейкоба.

Амелия. А если?..

Феликс. Если операцию не делать? Да, я тоже задал ему этот вопрос. Тогда я протяну месяца два. Максимум, три. Опухоль уже сильно разрослась.

Амелия встает с дивана, подходит к окну, смотрит, как играют дети.

Амелия (задумчиво). Значит, так надо. Значит, таков наш крест. Ты ведь знаешь: ничего в жизни не происходит слу-

чайно. Это испытание для нас обоих. Для нашей любви.

Садится на диван, обнимает Феликса.

И мы с тобой выдержим его. Ведь правда?

Феликс (*после паузы*). Выдерживать придётся тебе одной, родная. Я уже не в счёт.

Амелия снова плачет.

Пойди, скажи детям, чтобы шли домой. На улице сегодня прохладно.

Амелия медленно, глубоко задумавшись, выходит из комнаты. Феликс подходит к письменному столу, выдвигает один из ящичков, достаёт револьвер. Задумчиво:

Да, я не в счёт... И этот счёт уже не в нашу с тобой пользу, дорогая. До сих пор было два-один – мы с тобой против болезни Джейкоба. А теперь будет один-два: ты одна, а нас, инвалидов, станет двое. Это – чистый проигрыш.

Стоит перед окном с револьвером в руке, смотрит на улицу, где слышны голоса детей и Амелии. Белый встаёт из-за столика подходит вплотную к Феликсу. Стрелки часов замирают, стук метронома прекращается. Время останавливается. Феликс стоит в неподвижности. Белый пристально всматривается в лицо Феликса.

Чёрный. Ты собираешься вмешаться?

Белый. Нет. Ты же знаешь: по условиям Большого Эксперимента, это невозможно. Я пытаюсь понять.

Чёрный подходит к ним, становится по другую сторону от Феликса, тоже смотрит на него.

Чёрный. Что понять? Мне кажется, здесь без вариантов. Сейчас прозвучит выстрел, и моя чаша весов опустится. Ведь его вера рассматривает суицид как величайший грех. Уж теперь-то ему, точно, не спастись.

Белый. Думаешь, он забыл об этом? Тому, кто затеял Большой Эксперимент, заранее известен результат, но он всегда оставляет человеку право выбора. И смотрит, чем это заканчивается. Этот человек сейчас принимает решение. Очень трудное. Он делает это ради любимой женщины. Ради детей. Нет, если он выстрелит, должна будет склониться вниз моя чаша весов.

Чёрный. Посмотрим.

Чёрный и белый возвращаются к журнальному столику, стоят рядом с ним, наблюдают за Феликсом. Снова под звук метронома идут часы на стене.

Феликс (*тихо*). Да, счёт не в нашу пользу. А так тебе будет легче. Прости меня, родная... Прости меня, если это возможно, великий и милосердный Боже (*крестится*).

Свет на сцене гаснет. Раздаётся выстрел. Чёрная чаша весов медленно опускается.

Чёрный. Ну? А я что говорил? Тебе шах!

Белый. Не спеши. Опять забыл, что их мир не чёрно-белый? В одном человеке, в одном человеческом поступке могут присутствовать разные цвета.

Чёрный. Ну, знаешь... Это что получается? Скажем, я заставлю какого-нибудь серийного маньяка днём резать людей,

а вечером ты усадишь его на мягкий диван, и он начнёт пускать розовые слюни от нежности, кормя сыром своего ручного мышонка? И эта сцена уравновесит весы?

Белый. Не ёрничай, пожалуйста.

Голос Амелии: Дети, вы слышали? Что это было?.. Ну-ка, скорее в дом!

Весы медленно выравниваются.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Действующие лица:

Алексей Михайлович Строков, российский бизнесмен, высокий, статный мужчина 50-ти лет.

Михаил, помощник бизнесмена, 32 года.

Анна, красивая женщина, 26 лет.

Алёна, её дочь, 4 года.

Телеоператор.

Первый мужчина, второй мужчина – гости Строкова.

Первая старушка, вторая старушка – прихожанки в церкви.

Стандартный рабочий кабинет. Энергично входит Строков, человек с волевым лицом и статной фигурой, в дорогом костюме. Следом идёт его помощник.

Строков *(на ходу говорит по мобильному телефону)*. Нет. Не надо... Я сказал – не надо! Ты не какого-то там «Иван-Иваныча» – ты меня слушай! Тебе кто зарплату платит? Вот, то-то. Всё, отбой. Выполняй! *(Усаживается в кресло, обра-*

щается к помощнику). Садись, Миша. Что у нас там с выборами? Докладывай.

Михаил. Всё идёт по плану, Алексей Михайлович. Провели очередной опрос населения – как и ожидалось, ваш рейтинг ещё подрос. Опережаем конкурентов заметно.

Строков. Это хорошо. А то достал уже этот депутатский корпус – тому поклонись, этого подмажь, чтобы бизнес нормально продвигался. Ничего, вот пройду на выборах – мне начнут кланяться... Ветеранам на моём избирательном участке подарки развезли по домам?

Михаил. Так точно.

Строков. Консервы для ветеранского пакета где закупали?

Михаил. Как вы и приказывали – на оптовой базе.

Строков. Правильно. А то мне Михай жаловался – срок годности у этих банок неделю как истёк, не знает, куда девать. И его выручили, и старичкам радость, и сэкономили мы порядком на этой закупке. *(Закуривает)* Ролик с моей речью запустили на местном телевидении?

Михаил. Да, всюю крутят. Кстати, вы на одиннадцать назначали съёмку с этой молодой мамашей – она в приёмной, ждёт.

Строков. А, давай, давай, заводи! Речь ей написал?

Михаил. Обижаете, Алексей Михайлович: ещё вчера отдал – надеюсь, выучила текст.

Идёт к двери, открывает.

Заходите, Анна.

Входит Анна. Она заметно волнуется. За руку ведёт Алёну. Девочка в марлевой маске, на голове плотно, по-старушечьи повязанный платок.

Анна. Здравствуйте, Алексей Михайлович!

Строков (*выходит из-за стола ей навстречу*). А, здравствуйте, здравствуйте, Аннушка! Ну, что ж вы и дочку-то с собой...

Анна. Так ведь не с кем оставить.

Строков. Как её здоровье?

Анна. Да, вот, я как раз хотела об этом...

Михаил. Это потом, потом. Давайте сначала дело.

Строков. Да, действительно, а то хлопот невпроворот. Вы готовы, Аня?

Анна. Да.

Строков. Миша, а оператор где?

Михаил. Здесь, здесь. (*Громко, в сторону двери*) Саш, ну где ты там?

Входит оператор с телекамерой, начинает устанавливать её на штатив.

Аня, вам сюда.

Женщина усаживается на диван, поправляет причёску. Пока оператор устанавливает камеру, Алёна подходит к Строкову.

Алёна. А вы – тот дядя, который мне лекарства купил?

Строков (*немного растерянно*). Да, тот самый.

Алёна. Мама говорит, вы добрый. Она всегда плачет, ко-

гда вас вспоминает.

Строков (*присаживается перед девочкой на корточки*).
Ох, как от тебя лекарствами пахнет.

Алёна. Это потому, что мне химиотерапию делают. (*Громким шёпотом, доверительно*) У меня все волосики на голове выпали. Мама говорит, когда выздоровею, они опять вырастут. Правда ведь, вырастут?

Строков. Конечно-конечно, обязательно вырастут.

Алёна. А то мне лысенькой совсем не нравится. Девочкам это не идёт.

Михаил. Ну, давайте начинать. Аня, вы не волнуйтесь, это ж не прямой эфир – если что-то не так пойдёт, всегда перепишем.

Берёт девочку на руки, садится с ней на стул в сторонке, посадив её к себе на колени.

Всё, девочка, теперь сиди тихонько, не мешай. Саш, готов? Поехали.

Оператор включает камеру на запись.

Анна. Наверное, в нашем городе не найдётся человека, который не знал бы Алексея Михайловича Строкова. Энергичный, деловой человек, удачливый бизнесмен, он ещё находит время и возможность для добрых дел, для благотворительности. Мне, например, он очень помог. У меня есть дочь, Алёнушка, она... она...

Сбивается. На глазах появляются слёзы.

Строков. Ну, Аннушка, соберитесь, соберитесь. Вы что,

текст забыли?

Анна. Нет, я помню. Простите, я сейчас... У меня есть дочь, Алёнушка. Ей четыре годика, и она серьёзно больна – у неё рак...

Строков. Стоп-стоп-стоп! Сергей, что это за текст? Зачем нам рак? Зачем такой негатив? Аня, давайте не будем уточнять диагноз, скажите просто «серьёзно больна», этого вполне достаточно.

Анна. Хорошо, Алексей Михайлович. Можно продолжать?.. Ей четыре годика, она серьёзно больна. На лечение потребовались деньги, и, когда я обратилась за помощью к Алексею Михайловичу Строкову, он не отказал мне. Необходимые лекарства мы закупили и теперь продолжаем лечение. Я очень благодарна этому чуткому, отзывчивому человеку. Думаю, он вполне достоин стать депутатом местного совета депутатов. Побольше бы таких неравнодушных к чужой беде людей... Всё.

Строков. Оператор, снято? Ну, и славненько. (*Встаёт из-за стола*) Спасибо, Аннушка, вы просто умничка! Всё вышло замечательно. Сергей, не забудь – дай ей расписаться в официальной бумаге, что она добровольно участвовала в агитации за меня. А то в избиркоме потом шума не оберёшься.

Оператор уходит. Девочка подходит к матери, берёт её за руку.

Анна. Алексей Михайлович, извините, мне бы ещё ми-

нутку...

Строков. Да, Аня, слушаю. Только поскорее – дел очень много, сами понимаете.

Анна. Конечно, конечно, я быстро. Алексей Михайлович, я, в самом деле, очень благодарна вам, поверьте. Вы такой добрый, чуткий... Ведь куда я только не обращалась со своим горем...

Строков. Аня – к делу! Ни минуты лишней, поверьте.

Анна. Простите. Алексей Михайлович, те семьдесят тысяч, что вы выделили, потрачены на лечение. Но врачи говорят, Алёнушке нужна операция. Чем скорее, тем лучше. Иначе... сами понимаете. А это для меня не просто дорого. Это невозможно. Четыреста семьдесят тысяч...

Строков (*садится за свой стол, начинает перебирать бумаги*). Аннушка, милая моя, поверьте, я вхожу в ваше положение, мне тоже очень жалко вашу дочь. Но у меня сейчас нет свободных денег – они все в деле, крутятся. Вы ведь знаете: деньги должны работать. Попробуйте обратиться к кому-нибудь ещё – есть же в городе другие состоятельные люди.

Анна. Да я уже куда только не обращалась, Алексей Михайлович...

У Строкова звонит мобильный телефон.

Строков. Алло? Да... Да... Хорошо, я всё понял, Антон Антонович, сделаю! Обязательно сделаю! Вы ж меня знаете... (*кладёт телефон на стол*) Аннушка, простите меня –

дела, дела. Хорошо, я подумаю над вашей просьбой. Сергей, проводи. Да, не забудь игрушку девочке отдать!

Помощник достаёт из шкафа огромного плюшевого медведя, вручает Алёне.

Алёна (*уже в дверях, в обнимку с медведем*). Спасибо, дя-
денька. До свидания.

Строков. До свидания, до свидания, Алёна! Выздоровли-
вай.

Анна с дочерью выходят из кабинета. На глазах Анны слёзы.

Что у нас там дальше по плану, Миш?

Михаил. Так, это... День рождения ведь, Алексей Михай-
лович.

Строков. А-а-а, точно! Тьфу ты, совсем из головы... На-
род собрался?

Михаил. Все в сборе. Вас ждут.

*Строков и Михаил выходят из кабинета. Слышны звуки праздника: тосты, звон бокалов, музыка, громкие разгово-
ры. На сцене появляются двое мужчин с бокалами и сигаре-
тами.*

Первый мужчина. Видал, какая счастливая рожа у Веро-
нички-то нашей? Хотя... Будешь тут счастливым, если лю-
бовник уже вторую машину дарит. Первую-то, помнишь, он
ей пять лет назад подкатил. Согласись, не каждой секретар-
ше босс такие подарки преподносит.

Второй мужчина. Ну, у них с Михалычем давний роман.

Лябовь! Ты, кстати, видел его жену? Такая милая, интеллигентная женщина.

Первый мужчина. Видел, видел. Не то, что наша Вероничка: губы в пол-лица намажует этой ядовито-красной помадой. Ну, тут уж ничего не поделаешь: любовь зла, полюбишь и... Вероничку (*смеётся*). А знаешь, сколько машинка-то эта стоит? Пол-«ляма»!

Второй мужчина. Откуда знаешь?

Первый мужчина. Так я сам её из автосалона пригонял, документы видел.

Второй мужчина. Ну, что ж... Кому щи пусты – кому жемчуг мелок. Слушай, а ведь ты, похоже, завидуешь.

Первый мужчина. Да ладно! Кому завидовать-то? Вероничке? Я ж не баба, чтоб в постель с шефом ложиться.

Второй мужчина. Да нет, не ей – Михалычу.

Первый. А ему и позавидовать не грех – глянь, как поднялся мужик. Не то, что мы с тобой – в вечном услужении у сильных мира сего.

Второй мужчина. Не знаю, не знаю. Лично я себя слугой не считаю. Я просто продаю результаты своего труда. А он их у меня покупает.

Первый мужчина. Ну, да. Только у него есть всё, чего душа не пожелает, а тебе остаётся только мечтать о многом.

Второй мужчина. Недавно где-то вычитал: «Счастье в том, чтобы хотеть то, что у тебя есть, а не в том, чтобы иметь то, что хочешь». И потом, не забывай, это только кажется,

что халява может прокатить. Нет, за всё рано или поздно придётся платить. Не в этой жизни, так потом, там...

Прожектора, освещающие сцену, гаснут. Снова высвечивается журнальный столик с сидящими за ним Белым и Чёрным.

Звучит Голос (мужской):

Тревожен путь, когда во мраке

Огней не видно. И луна

Лишь мутной бледности полна,

И деревенские собаки

Как будто вымерли вокруг.

У неба просишь вдруг прощенья,

И всё сильнее ощущение,

Что жизни замыкаешь круг.

Далёк безмерно путь опасный,

Коль ты, томим чутьём неясным,

Плутаешь в сумерках души:

Безвременьем трудов напрасных

Твой слабый след запорошит.

Но верить разум вновь заставит,

Что в нужном месте повернул,

Что сам себя не обманул...

И лишь в конце Судья объявит,

Добрёл ты иль не дотянул.

Чёрная чаша весов опускается, перевешивая белую.

Белый. Погоди, ты что, считаешь свой ход удачным?

Чёрный. А как же! Ведь не дал он женщине денег на операцию для ребёнка.

Белый. А те семьдесят тысяч? Забыл?

Чёрный. Нет, не забыл. Тогда как раз твоя чаша перевесила. Но потом-то следующий ход наступил – мой. Вот этот автомобиль для любовницы и сработал. И, обрати внимание на сумму – это же ровно столько, сколько просила у него Анна!

Белый. Ладно. Тогда я так.

Делает ход. Опять освещается сцена. Церковь. Слышен хор. У алтаря стоит Анна, вся в чёрном. Тихо молится. Неподдалёку от неё две старушки.

Первая старушка (*шёпотом*). Вон, гляди – опять пришла. Молодая-то какая...

Вторая старушка. Она дочь похоронила. Рак съел дитя.

Первая старушка. И опять две свечки ставит – одну-то, понятно, за упокой, а вторую?

Вторая старушка. Вторую – за здоровье какого-то бизнесмена. Помогал он ей дочку-то лечить. Говорят, хороший, добрый человек. Вот она за него и молится.

Весы приходят в равновесие.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Действующие лица:

Божена, полька, 34 года.

Агнешка, её дочь, 12 лет.

Доктор, немец, 42 года.

Эсесовец с автоматом.

Конец Второй мировой войны. Немецкий концлагерь, тускло освещённый барак. На нарах сидит Божена с грудной дочерью на руках, завернутой в тряпье, тихо качает её. Рядом с ней Агнешка, её 12-летняя дочь, с накинутым на плечи рваным одеялом. Где-то неподалёку звучит отрывистая немецкая речь, лай собак. Вдалеке – раскаты артиллерийской канонады. Открывается дверь. В барак входит Доктор в грязно-белом халате, из-под него видна военная форма. В руке небольшой саквояж. За ним появляется эсесовец с автоматом и становится у дверей. Божена и Агнешка поспешно встают.

Доктор (*подходит к Божене*). Мне нужно забрать одну из твоих дочерей.

Божена (*очень тихо*). Как забрать?... Зачем?..

Доктор. У меня приказ. Решай – какую?

Божена. О, Matka Boska...

Доктор. Быстрее, у меня мало времени.

Божена (*плачет*). Господин доктор... Да как же это...

Без сил присаживается на топчан. Рядом садится Агнешка, обнимает её за плечи.

Доктор. У тебя одна минута.

Божена (*встаёт*). Господин доктор, позвольте... Я хочу предложить вам... Вот, смотрите, это золото (*широко рас-*

крывает рот). Золотые коронки. Возьмите их!

Доктор. Странно. Как это их тебе оставили?

Божена. Я... я их грязью замазала. Ещё перед осмотром, когда нас сюда только привезли. Вот и подумали – карие.

Доктор. Да забудь ты сейчас про своё золото! (*Понижает голос*). Послушай меня, женщина. Если будешь упорствовать, ты лишишься обеих дочерей.

Пауза.

Божена. Ну, тогда возьмите меня. Ведь вы ставите какие-то эксперименты над людьми, верно? Так в лагере говорят. Заклинаю вас – возьмите меня! За моими детьми, может быть, кто-нибудь присмотрит, здесь много хороших людей. Господин доктор...

Доктор. Нет. Нужен именно ребёнок. До пятнадцати лет. Поверь, это неизбежно.

Божена. О Боже... Но как?.. Нет, я не могу...

Доктор (*подходит ближе к ней, совсем тихо*). Они хотели забрать обеих. Но я настоял на таком решении. Я не из этих (*оглядывается на стоящего у дверей эсесовца*). Ты видишь – на мне не чёрная форма. Я врач. И у меня тоже есть дети. Там, далеко, под Мюнхеном. Через день-два здесь будут русские. Ты слышишь?..

Оба прислушиваются к отдалённым звукам артиллерийской канонады.

Уже завтра начнётся эвакуация. У тебя есть возможность спасти хотя бы одну дочь. Решай...

Божена (*кладёт младшую дочь на топчан, обнимает Агнешку, её плечи сотрясаются от беззвучных рыданий*). Агнеша, дитятко моё...

Агнешка (*прижимаясь к Божене*). Мама, мамочка, мне страшно...

Доктор отворачивается.

Часы на стене останавливаются. Все участники сцены замирают в неподвижности. Прожектор освещает Белого и Чёрного. Белый встаёт.

Белый. Постой-постой! Ты же жульничаешь! Эта фигура так не ходит (*показывает на доску с шахматами*).

Чёрный. Как это не ходит? Видишь – пошла ведь (*улыбается*). Вот, сейчас и проверим, на что способна твоя хваленая любовь.

Белый. Но так нечестно!

Чёрный. Послушай, неужели тебе самому не интересно узнать, как эта женщина сейчас поступит? Ты же сам утверждал, что у них там всё перемешано. Что не бывает ни абсолютного добра, как нет и совершенного зла. В общем, отстань! Ничего я здесь не сжульничал. У них там сама жизнь порой такие сюжетцы преподносит – ни под какие правила не подпадают. Вот, сейчас и посмотрим, какая чаша весов опустится.

Белый и Чёрный возвращаются к столику, садятся в свои кресла.

Доктор (*поворачивается к Божене*). Всё! Пора.

Божена. Нет, нет!..

Агнешка. Mamочка, я прошу тебя, не надо! Я очень прошу тебя!..

Божена отстраняется от Агнешки, почти отталкивает её от себя, поворачивается к ней спиной, берёт на руки младшую дочь, низко согнувшись, прячет лицо в её тряпье. Доктор делает эсесовцу знак, тот хватает за руки Агнешку и выводит её из барака. Следом выходит Доктор.

Голос Агнешки (издалека, затихая). Мама! Mamочка...

Божена. Моя Агнеша...Прости меня... Боже милосердный, что я наделала...

Чёрная чаша весов начинает медленно опускаться, но затем весы судорожными движениями, с тревожным звуком, выравниваются.

ДЕЙСТВИЕ ШЕСТОЕ

Действующие лица:

Художник, старик с седой шевелюрой, бородой и усами.

Девушка, его соседка, 17 лет.

Подруга девушки.

Бедно обставленная комната. На кровати лежит Девушка. Через окно перед кроватью ей видна лишь верхушка стоящего рядом с домом дерева. Поздняя осень. На дереве осталось совсем немного листьев, они дрожат под дождём и порывами ветра. В комнату входит Художник.

Художник (кашляет, говорит хриплым голосом). Ну,

здравствуй, соседушка. Я тебе горячего бульончика принёс – очень полезно. Как ты сегодня? Получше?

Девушка (*тихо*). Здравствуй, старик. Нет, мне не лучше. Наоборот. Наверное, я умираю.

Художник (*ставит на стол тарелку*). А вот это ты брось, малыш. Умирать нам, старикам, можно. Ты ещё такая молодая, красивая, тебе жить положено.

Девушка. Но я же чувствую – силы оставляют меня. Кажется, совсем немного, ещё чуть-чуть...

Художник. Это не силы тебя покидают. Это ты бороться не хочешь. Сложила, понимаешь, лапки...

Опять, прикрывая рот, натужно кашляет, садится на кровать рядом с Девушкой.

Помнишь про двух лягушат, что попали в крынку с молоком? Один сдался и пошёл ко дну. А второй упрямым был, лапками бил-бил, сбил молоко в масло, оттолкнулся от него да и выпрыгнул из крынки. Вот и ты – бей, бей лапками-то!

Девушка. Не могу. Сил нет... Знаешь, вот, смотрю я на это дерево за окном. Видишь, там только один листочек остался. Мне кажется, как только и его унесёт ветром, я умру. Вот и дождь опять пошёл... Наверное, завтра уже не увижу листочка...

Художник. Глупости, дорогая моя, глупости! Не хочешь бороться – так и скажи. А листочек этот совсем тут не причём. Давай-давай, бери себя в руки. Я ещё на твоей свадьбе погулять хочу!

Художник уходит. Вновь на сцене темно, лучом прожектора освещаются только Белый с Чёрным.

Чёрный. Погоди, что-то мне это напоминает. Какой-то знакомый сюжет...

Белый. Это Уильям Сидни Портер, его рассказ «Последний лист». Люди больше знают писателя по его псевдониму – О. Генри.

Чёрный. А, да-да, вспомнил. Там ещё после этой сцены...

Белый. Погоди! Давай досмотрим.

Сцена освещается. Та же комната. Утро. Девушка стоит у окна. Входит Подруга Девушки.

Подруга. О, дорогая, ты уже на ногах! Слава Богу – значит, кризис миновал.

Девушка (*задумчиво*). Да, ты знаешь, удивительно, но мне становится лучше. Наверное, всё дело в этом последнем листке. Какой он упрямый! Прямо герой. Посмотри – ни ветер, ни дождь ему нипочём (*Подруга тоже подходит к окну*). Держится себе на ветке и всё тут... Послушай, а где наш художник?

Подруга. Он умер.

Девушка. Как умер?..

Подруга. Да. Ты не знаешь? – оказывается, у него ещё на прошлой неделе обнаружили воспаление лёгких. А вчера соседи зашли к нему, он лежит на кровати уже холодный. Весь перепачканный краской и почему-то в абсолютно мокрой одежде. И откуда-то лестница у него в комнате взялась.

Странно... Наверное, выходил зачем-то на улицу в такую жуткую погоду. Бедный старик...

Девушка (плачет, смотрит в окно, на последний листок на дереве).

Обе стоят у окна.

Звучит Голос (женский):

«Ну, что, брат Пушкин? – Так, брат, как-то всё...»

То вкривь, то вкось, то впрямь – да ненароком...

Вращается фортуны колесо:

к кому – спиной она, к кому-то – боком,

к кому-нибудь – немеркнувшим лицом...

Да стыдно ждать, да, ожидая, спятишь,

и чтоб себя не числить подлецом,

душей своей – душой своею платишь...

Так краток день, так ненадёжен кров,

и бедный быт так жалок и дурашлив,

не греет ног скудеющая кровь,

не греет рук скупой очаг домашний,

и умножение годовых колец

отяжеляет ствол, отяжеляет...

А где-то там записан твой конец,

и есть, и открываться не желает.

И всё живешь... Трепещет волосок –

голубенькая жилочка сосуда,

и, Боже мой, как сладок жизни сок,

по капле извлечённый отовсюду...

А может, сами пишем мы её,
всю нашу жизнь, отделявая строчку
за строчкою? И каждому – своё,
и медлим ли, спешим ли ставить точку,
но водит Бог старательным пером,
и тем, кого Он в самом деле любит,
лишь в нужный час, сверкая топором,
неумолимо голову отрубит.
И, может, так и нужно наперед,
чтоб жизнь была полна, а смерть – кровава,
и тех, кто мутен был, забвенье ждет,
а тех, кто точен был, венчает слава.

Свет на сцене гаснет, прожектор освещает Белого и Чёрного. Белая чаша весов перевешивает чёрную.

Чёрный. Согласен – ход сильный. Но, обрати внимание, опять бок о бок с Любовью идёт Смерть. Кстати, почему у тебя Любовь всегда вынуждена жертвовать собой? Ты что, не можешь дать людям возможность просто любить и быть счастливыми? Хотя бы до той поры, пока я не приведу к ним эту даму с косой?

Белый. А ты не понимаешь? Те, кто любит, счастливы. Всегда, в любой ситуации. Даже перед лицом Смерти. А на жертвы толкаешь их ты – своими вечными провокациями, проверками на прочность.

Пауза.

Помнишь притчу про старого индейца? Он открыл своему маленькому внуку одну жизненную истину. В каждом человеке, сказал старик, идет борьба, очень похожая на борьбу двух волков. Один из них представляет зло – зависть, ревность, сожаление, эгоизм, амбиции, ложь... Другой волк – это добро: мир, любовь, надежда, истина, доброта, верность. Внук спросил деда: «А какой волк в конце побеждает?» Старый индеец улыбнулся и ответил: «Всегда побеждает тот волк, которого ты кормишь».

Чёрный. Да, но, согласись, в конце концов, Смерть всё равно оказывается сильнее. Потому что, после неё уже ничего нет. Вот, видишь: был Художник – и нет его.

Белый. Погоди, это не всё.

Они исчезают в темноте, снова освещается сцена. Посреди неё большие качели. На них та самая Девушка. Стрелка на больших часах без цифр продолжает передвигаться, каждое передвижение сопровождается отчётливым звуком метронома. Из-за кулис выходит Художник. Садится рядом с Девушкой, они качаются вместе.

Девушка. Почему ты здесь? Ты же умер.

Художник. Да, верно, случился со мной такой казус. Но, знаешь, дружок, умер-то я, скажем так, не совсем. Просто закончился мой земной биологический цикл, умерло моё тело. Но дело в том, малыш, что Любовь не умирает. Она бессмертна.

Девушка. Любовь... Но ведь это когда любят мужчина и женщина.

Художник. Нет-нет, что ты! Не только. Любовь – это ВСЁ. Это то, ради чего и благодаря чему мы все живём. И совсем не красота спасёт мир, поверь – только она, Любовь. Потому что, Любовь – это и есть Бог.

Девушка. А любить – это как?

Художник. О, дружок, любить – это... и сложно, и больно, и... сладко.

Девушка. Скажи, а все люди умеют любить?

Художник. Увы, нет. Но, знаешь, возможно, это и хорошо. Пусть кто-то из них не умеет любить, пусть кто-то способен только ненавидеть, даже, возможно, убивать. Жалко их, конечно. Молиться за таких людей надо. Но, если б не они, не их ненависть, мы так и не узнали бы, что это такое – Любовь. Получается, они нужны в этом мире. Ты тоже молись за них. У них очень тяжкая доля. Гораздо тяжелее, чем у тех, кто любит.

Пауза.

Девушка. Послушай, а они (*показывает в зал*) – те, кто сегодня сюда пришли – им дано любить?

Художник. Не знаю, не знаю... (*всматривается в зал*). Они все такие разные. Попробуй, разгляди, что у них там, под масками, в душе...

Художник и Девушка подходят к краю сцены, по разным её сторонам, пристально всматриваются в зритель-

ный зал. Звучит музыка.

Сцена погружается в темноту, и тут же включается мощный прожектор, освещающий один из секторов зрительного зала. Звучит музыка.

Свет слепит глаза зрителей. Потом загораются второй, третий прожекторы. Через несколько секунд все они разом выключаются. Музыка.

Освещается сцена. Тихо покачиваются качели, уже пустые. Стрелки на часах продолжают двигаться, меняя вопросительные знаки на восклицательный. На сцену выходит человек с метлой. Он одет в трико, наполовину белое, наполовину чёрное. Начинает подметать пол. Останавливается посредине сцены, опирается на метлу, пристально всматривается в зал.

Голос (мужской):

– Какого волка ты кормишь, человек?..

Музыка стихает. Постепенно гаснет свет. В темноте отчётливо раздаётся звук метронома.

Занавес.

Авторы стихов: Юрий Тар, Игорь Чичинов, Марлена Рахлина.